

Сергий Чернец
*Анжелика — особенная
женщина*

Из жизни женщин

Сергий Чернец
Анжелика – особенная
женщина. Из жизни женщин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44826629

ISBN 9785005043092

Аннотация

Сборник рассказов из жизни женщин. Истории разные, но интересные тем, что часто случаются с нами и вокруг нас. Много поучительного можно почерпнуть из простых случаев нашей действительности.

Содержание

Анжелика – особенная женщина	5
Семейная драма «Кто выживет...»	5
Вступление к рассказу	7
Часть 1. Финал. «Кто выживет...»	10
Часть 2 «Прошное»	11
Часть 3 «Малолетка»	14
Часть 4 Знакомство	18
Часть 5. Конфликт	22
Полемика о науке	25
Часть 1. Юбилей учёного на даче	25
Часть вторая. Дача	36
Эхо – абсолютного времени	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Анжелика –
особенная женщина
Из жизни женщин**

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2019

ISBN 978-5-0050-4309-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анжелика – особенная женщина

Семейная драма «Кто выживет...»

От автора:

Композиция, статья. Логика повествования.

Присуще человеку мыслить логически. Пошагово, так сказать. И это с самого малого детства воспитывается самой природой вещей. Маленькому человечку, чтобы поиграть с куклой (для мужской половины с машинкой) нужно сначала взять ее в руки. Элементарно. Мало ли, что ты хочешь: возьмешь воздух руками, кукла не придет к тебе сама. Надо двигаться.

Переходим к логике. Чтобы начать делать какое-либо дело надо составлять план. Так как мы варили суп вчера: сначала поставили чистую воду на плиту, потом стали по порядку класть продукты в неё. Для этого в голове уже был план: рецепт.

- Композиция (литературоведение) – взаимная соотнесённость и расположение единиц изображаемого и художественно-речевых средств в словесно-художественном произведении. Структура, план выражения литературного произ-

ведения. Построение художественного произведения.

Такая выдержка из Википедии поможет понять, к чему я веду. Для любого произведения, для статьи, рассказа, повести и тем более для романа нужно выстроить композицию. Это дисциплинирует работу. Если только это не из жанра «потока сознания».

Вот последняя моя работа с новым рассказом или повестью (еще не решено) и подвигла меня написать и эту статью.

Есть Классическая схема, стандартный план, соответствующий нашей логике, когда всё по порядку.

Классический план.

Вступление.

1 Детство.

2 Юность.

3 Зрелость

4 Знакомство с женщиной

5 Жизнь семейная

6 Конфликт

7 Финал. Смерть.

Вот так выглядит план произведения (рассказа или повести), если брать по стандартной схеме, логически.

Но. Есть новые виды искусства, где не соблюдаются стандарты. Где логика ломается. И задумка моя состояла в том, чтобы схему составить, нарушив последовательность. За первым пунктом идет последний, за Вступлением следует Финал. И далее в том же виде – за Детством следует

Конфликт. За Юностью идет Семейная жизнь. И за Зрелостью Знакомство.

План будет выглядеть так:

Вступление

1 Финал

2 Детство

3 Конфликт

4 Юность

5 Семейная жизнь

6 Зрелость

7 Знакомство с женщиной.

Вот примерно так. Как это будет выглядеть в действительности, посмотрим. Но такие и разные перестановки приняты во многих видах искусства. В кино, например, очень часто показывают финал вначале, а потом периодически то текущие события, то воспоминания о том, что было до того.... Так же в детективах писатели пишут, возвращая читателя в прошлое. Но в любом случае план нужен. Ваше мнение?

Вступление к рассказу

Живет человек, как ему кажется, долго. Но время также относительно, как всё в мире относительно, по известной теории относительности Эйнштейна. «Есть только миг между прошлым и будущим...». Но в кратковременной жизни

человеческой не всё измеряется умением рационально вести хозяйство или бизнес, иначе очень уж скучно было бы жить на свете. И влечения наши, и симпатии, иной раз, не объяснишь умом.

Встретился мне человек находящийся в страхе неимоверном. Лицо его не было белым. Ни желтым, но.... Оно было мертвым от испуга. Так пугаются не за свою жизнь, так может пугаться человек только за жизнь другого человека, который ему дороже себя. Я достаточно пожил, повидал жизнь, и я не очень верю в то, что другие люди не такие как мы.

Тот испугавшийся был азиатской наружности, монголоидной расы.

У всех людей, всех рас и наречий душа болит сильнее, чем тело. И это самая нестерпимая боль для человека. (А, в то же время, в каждой нации есть люди, для которых чужое горе – не горе, при этом у них на глаза навертываются слезы сентиментальности от грустной мелодии, от трогательного рассказа). Но тут человек страдал действительно, и все выражалось в его поведении: в походке, он двигался будто приседая при каждом шаге, в дрожании рук, и неуверенности движений.

Он шел от буфета со стаканом кофе в руках медленно, пока, наконец, не присел на стул в зале ожидания на автобусной станции; он будто бы не дышал все время пока шел, – так, резко выдохнув остатки воздуха, он глубоко вздохнул.

Шепка – так его звали, узнал я после того как познакомился.

Допивая свой кофе и немного успокоившись, он сам легко перешел к общению и разговору, узнав, что я тоже еду в его городок. Выбросив пластиковый стакан в урну, он пригласил меня к выходу на улицу. Скоро, минут через 10, должен был и наш автобус подъехать.

Пасмурная осень с морозящим серым небом не позволила нам далеко отойти от людей, спешащих на посадку в очередной автобус. Мы остановились тут же у входа, под длинным навесом с лавками посередине. Он достал сигареты, вытряс одну из помятой пачки и схватил ее губами, а пачку протянул мне. Я поблагодарил: уже год как не курю.

– Бросал... – сказал он, краем глаза следя за тем, как проходит посадка в автобус. И ловко прикурил от нехитрой дешевой зажигалки.

– Бросал, – повторил он, продолжая наблюдать, как контроллер проверял билеты и люди с сумками поднимались по лестнице в автобус, тяжело переступая по ступеням. – Тоже, год целый не курил. Один черт! Меня же в тубики записали, и лечился в тубдиспансере... —

В это время отъехал автобус и нам открылась площадка автовокзала, не совсем пустая. На противоположной стороне стояли маленькие Пазики, из которых один был наш, судя по табличке под стеклом.

Часть 1. Финал. «Кто выживет...»

В реанимации больницы маленького городка далекой провинции лежали двое – мужчина и женщина. В рядом находящихся палатах. К ним приходил следователь: оказывается в семейной ссоре, переросшей в драку, никто не хотел уступать. И был настоящий бой: в руках женщины были ножи и сковородки, а мужчина, раненый в живот ножом, отбивался табуретками. Потом он смог взять у печки кочергу и ударами по голове успокоил женщину так сильно, что та потеряла сознание, и даже, как говорили врачи, впала в кому на 10—12 часов. Следователю было всё ясно, и он оформлял бумаги, как формальную необходимость, чтобы передать дело в суд.

– Кого же ты посадишь? – как давно знакомому, обратился к следователю Щепка. Этот следователь уже в который раз занимался делами с Щепкой, за плечами которого уже были 4 судимости, за мелкие кражи.

– А кто из вас выживет, тот и сядет! – заключил «следак», взяв подписанные Щепкой документы с тумбочки. – И она не подарок, у нее пять судимостей имеется, рецидивистка она вообще. Так что... —

Щепка тяжело опустился в кровать, снова головой на подушку. Когда он привставал, у него болел только шов после

операции на животе. А тут в голову ударила струя теплоты, и всё поплыло перед глазами. Он потерял сознание. Следователь быстро вышел из палаты и позвал медперсонал. Также теряла сознание и женщина, когда у неё следователь брал показания.

А ведь он любил жизнь и жил иногда «красиво», любил женщину Ольгу, любил её детей: сына и дочку, которых сейчас забрали в детский дом.

Жизнь его, по-своему, была интересна и полна приключений. Сначала детдомовское детство, с побегами, потом работа и отдых по «богатому», после очередной крупной кражи: как в «Джентльменах удачи» – «Украл, выпил, в тюрьму». И финал это только начало повести о Щепкине Сергее Викторовиче, которую мы расскажем.

Часть 2 «Прошное»

Эпиграф:

«Память – это гравированная медная доска, покрытая письменами событий жизни, которые Время неизменно сглаживает, и мы утрачиваем прожитое. Поэтому необходимо возобновить резцом воспоминаний истории своих переживаний.

Прошное всегда с нами. Всё что мы собой представляем, всё, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем погруженные в него. Не понимать и не ощу-

щать прошлое, значит не понимать настоящего. Прошлому свойственны неподвижность и постоянство. Оно не меняется и несет печать вечности, подобно написанной маслом картине художника».

Ноябрь. Девятый час утра. Ноябрь уж не радует нас синевой небес. Вместо зари он дарит сумерки. И облака рисуют нам дракона, ползущего по серой мгле, который скушал Солнце. Свинцовая громадина ползет, скрывая серость неба. Слышны далекие раскаты грома. Нетеплый ветер гуляет по траве, он гнет деревья и поднимает пыль, которую сейчас же прибывает морось. Мелкий дождь грозит вырасти в настоящую грозу и ливень. Тучи полностью скрывают серость неба. Сверкают молнии, то тут, то там. И гром гремит со страшной силой, – это туча на тучу надвигается и высекает искры, звуки.

Усилился и ветер, и рывками, срывает листья желтые с берез, склоняющихся под порывами вдоль всей дороги. Кому куда-то надо в это темное ненастье (?) – одинокий путник идет промокший под дождем. Не видно птиц, в природе хаос, а он бредет, склоняясь ниц под ветром поднятых и хлещущих в лицо струй ливня. Едва дорога повернула к лесу, под дерево укрылся путник наш. Ему спешить наверно надо, раз вышел в путь в такую непогоду. Горе. Тяжелая утрата подвигла в дождь осенний идти и ехать в дальнюю деревню, где умерла его родная мать. И кратко переждав, утерев от влаги мокрое лицо, он снова тронулся под дождь.

«Из борьбы, которая бушует в природе, из смертей, бед и несчастий – прямой и высокий итог, какой только можно себе представить – рождается Жизнь. Сколько величия в этой картине: вот она жизнь на голубой планете с ее различными проявлениями, которую Творец первоначально вдохнул только лишь в одну или немногие формы... – и вот, пока наша планета будет вращаться, согласно неизменному закону тяготения, из столь нехитрого начала (небольшой влажной клетки) возникло, развилось и продолжает развиваться бесчисленное множество самых прекрасных форм».

Мы все умираем. Но это всё равно трудно переносить. И он спешил в свой старенький дом. Там умерла его Мама. «Почему его не было рядом, быть может, некому было и воды подать» – так он корил себя в мыслях. «Уехал. Дурак, ой дурак. Чего искал? Ничего не нашел!» – всячески упрекал он себя, и поэтому ни дождь, ни ветер не помешали. Он вошел в сени, до боли знакомые с детства и слезы навернулись ему на глаза. Тут было всё как в его далеком детстве: на лавке стояли ведра с водой и в одном из ведер плавал ковш, из которого он часто пил холодную колодезную воду. Мама приносила ведра коромыслом, которое стояло в углу тут же около лавки. «И вот не стало Её, где же она» – отворив двери, он увидел гроб посередине комнаты, стоящий на табуретках. В доме были соседи, знакомые из деревни люди. Родных у них с Мамой не было. Так и похоронили деревенские знакомые его Маму. Ему же, молодому пацану остава-

лось вернуться в свое ПТУ в городе и в общежитие.

«Жизнь не задалась» – сказал он себе тогда и уехал в чужой враждебный мир.

Память сохранила это воспоминание, в котором было еще много грустного, – и того, что предшествовало такому ходу событий жизни, и события самого расставания с единственным близким человеком. Он остался один-одинёшенек на всем белом свете и оттого невзлюбил весь мир, стал злой и нехороший. Со всеми сверстниками дрался, ссорясь из-за мелочей. А вскоре судьба распорядилась – за драку его осудили и отправили в колонию для несовершеннолетних, – на зону, на «малолетку». И вот там он изменился совсем. Там он встретил других «наставников» и учителей, которые его научили другому отношению к жизни. Но это другая история: грустная и ужасная для окружающих, но веселая и со своими удовольствиями для него самого. Потому что, выйдя на свободу после двух лет колонии, он приобщился к миру воров, разбойников и беспечных людей.

Но надо об этом рассказать особо.

Часть 3 «Малолетка»

Было КПЗ – камера предварительного заключения, была тюрьма – следственный изолятор, потом был суд, этап, и заборы колонии с вышками по углам.

Но была и пром-зона – цеха мебельного производства.

Осужденные работали, изготавливая диваны, обтягивая их гобеленами, материалом. И был цех, где покрывали лаком деревянные части мебели, подлокотники, спинки и прочие. С этим цехом и связана была вся жизнь «братвы» колонии. Лак на ацетоне – «дышали». От лака получали «удовольствие».

Этой токсикоманией заражены были многие из осужденных. Не избежал и наш Щепка общего увлечения.

Это надо было видеть, с каким воодушевлением рассказывал он о своем былом увлечении. С горящими от восторга глазами он взялся показать мне, как это делалось.

Брался лист бумаги, желательно с глянцевой картинкой во весь лист, который не пропитывается. Для этой цели подходили журналы с цветными вкладками картин. Брался кусок, обрывок материала – тот же гобелен или обивка мебели. Лак наливался тонким слоем на материал зигзагом. Пропитанный материал сворачивался, складывался в трубочку, потом заворачивался в лист журнала, тоже в трубочку. Концы листа загибались внутрь, удерживая тряпку с лаком от выпадения. Получалась «труба» с начинкой, – такой «инструмент» для «дыхания». Эту трубочку, «трубу», можно было засунуть в рукав спецовки, выставив только конец. И «пацаны» вдыхали воздух через трубу, напитанный парами испарявшегося ацетона. Вот и начиналось: первые вдохи вызывали кашель, неприятное жжение в горле. Зато потом, когда легкие уже впитывали пары ацетона спокойно – в голове зву-

чал звон и взор затуманивался, наступала эйфория. Окружающее покрывалось маревом и прозрачной дымкой, часто виделись «глюки», типа мультиков, и было приятно и блаженство ощущалось во всем теле. Расслаблялись и руки, и ноги, – вот он где был – «кайф».

Надышавшийся находился в своем мире. Все казалось веселым приключением. И длился этот затуманенный кайф долго. Пацаны не ощущали боли. Были случаи, что падали с крыш цехов и никаких переломов при этом. Они прятались на чердаках, где, надышавшись, шли искать приключений и вылезали на крышу. Некоторые прятались в тепло-трассах и их долго искали. Из-за этого объявляли всеобщую проверку, как при побеге. Всех строили на плацу, приходилось стоять зимой на холоде, пока «убежавших» не находили. С «дышальщиками» боролись. Но токсикомания сродни наркомании, и человек вновь и вновь стремился к своему пристрастию. За лак, за ацетон они были готовы на всё, эти больные токсикоманы. На этой почве совершались многие преступления, потому что, выйдя на волю токсикоманы вели неадекватный образ жизни.

Щепке повезло тем, что смог он преодолеть болезнь, и на воле он не стал токсикоманить. Он стал пить. Пьянка перебила тоску по «дышанию». Но чтобы выпивать, нужны были деньги. И тут Щепку нашли ворики. Они брали его с собой и учили премудростям воровского мастерства. Щепка оказался способным и быстро всему научился.

В компании ранее судимых Щепка приобрел небольшой авторитет, заслужил некоторое уважение. И ему помогли. Он жил у одного своего нового друга в поселке недалеко от города, на железнодорожной станции. Друга вскоре посадили, и он остался жить с его старушкой матерью в двухкомнатной квартире. В поселке же он устроился на работу, те же судимые взяли его в мастерскую по ремонту обуви. Быстро освоил он труд «сапожника», – клеил подошвы и зашивал порванные ботинки.

Так началась его взрослая жизнь. Ох и трудно ему было жить. В детстве его учили всему – чему угодно, только не научили жизни. И не с кого было брать пример, не было у него семьи. Он прожил детство на полном государственном обеспечении в детдоме. Там и кормили в столовой и одевали, и спать укладывали. В детдом-интернат его отдала Мама в самом раннем возрасте. Она сама была детдомовской сиротой послевоенной. А мужа не было, пропал в местах не столь отдаленных. И жила она приживалкой, в деревне, соседствующей с городом. Ухаживала за старушкой свекровью, у которой все дети-сыновья погибли в войну, а и тот, который вернулся, в лагерях пропал. Когда бабушка Настя, которую помнил еще маленьким Сережа, – дом и хозяйство одной Маме стало трудно вести. Вот и отдала она сыночка в интернат.

Сергей был худой и оттого прозвище Щепка, по его фамилии (Щепкин), как нельзя лучше ему подходило. За проделки в детдоме его наказывали. Он пролазил во всякие уз-

кие щели в заборах, и с ребятами из детдома ходил в соседние деревни воровать с огородов яблоки и овощи, и не только: украли как-то велосипед, катались несколько дней, пряча его в кустах. Но их поймали вместе с велосипедом и привели в детдом. Чтобы не расстраивать Маму и избежать наказания убежал Щепка в город. Там на вокзале сел в товарняк и ехал куда привезет.

Такие побеги случались несколько раз и подолгу он скитался по городам и весям. Но всякий раз его задерживали (ловили) и возвращали обратно. Мама плакала. А он обещал исправиться. Вот и пошел после 8-го класса в ПТУ, чтобы получить профессию, ради Мамы кем-то стать. Но тут Мама умерла, и всё завертелось по-другому.

Часть 4 Знакомство

Мало ли, что работал Щепка в сапожной мастерской. Мужики (пацаны) там работали все бывшие судимые, все воррики. И они же взяли Щепку с собой на свое воровское дело. В первый раз всё прошло удачно, и во второй раз Щепка разбогател, получив свою долю. Но «сколько веревочка не вейся – конец всегда будет». Так и попал он снова в тюрьму. Опять была зона, только на этот раз уже взрослая. Срок у него был небольшой, он не был в главных в воровских делах. А, как соучастнику, ему тогда дали 2 года, за кражу личного имущества. Они гаражи грабили, снимали с машин всё,

что можно было снять: магнитолы, стекла и прочее. Были знакомые и в автозапчастях, куда и «сплавляли» всё украденное.

Но в этот срок, он познакомился с другими мужиками на зоне, с работягами, которые сидели за драки и мечтали встать на путь исправления.

И была такая мода писать письма девушкам и женщинам, знакомиться заочно. Такую «заочницу» и Щепка себе завел. Они переписывались в течение года, чуть больше даже. Он сочинял романтические послания: брал в библиотеке книжки стихов и переделывал их, вставляя имя своей «заочницы». И та тоже отвечала по принятым шаблонам: «ты мне нравишься, мечтаю встретиться и полюбить, и провести всю жизнь вместе» и так далее.

И да, прошел срок, они встретились.

Прямо в день освобождения Щепка поехал на вокзал, где они договаривались, по письмам, встретиться с Ольгой. Как бы, (по письмам), они уже считали себя друзьями, но при встрече обоих ждало разочарование. Для Щепки было шоком, Оля оказалась совсем не та, что на присланных ему в зону фотках. Это не была стройная и красивая девушка, может она была такой в своей юности.... Но встретил он зрелую даму с полнотой, – не сказать, чтоб толстую, но совсем не стройную. Лицо, правда, выглядело моложаво, почти также как на фотках. И Ольга не очень была удовлетворена – Щепка был худощав «до немогу», и был ниже её чуть

не на голову.

Они со стороны казались явными противоположностями: как шар или эллипс, в сравнении с коротким перпендикуляром. Соломинка с мыльным пузырем, как в мультфильме, только всё, наоборот, – в мультике соломинка была женского рода.

Несмотря на все различия, они многое знали о внутреннем мире друг друга, переписка была откровенной.

И понятия о жизни у них были схожие: если что-то плохо лежит, – почему бы не взять себе и пользоваться.

Оля оказалась воровайкой гораздо круче Щепки. У нее уже было 4 судимости за разного рода воровские преступления. И она тоже недавно освободилась. Переписываться со Щепкой она начала, еще находясь в колонии. Была такая «междузоновская» газета для зеков, организованная МВД. Вот и состоялось это знакомство по переписке наяву.

Первым же делом они пошли на рынок. И тут Ольга-воровка преподавала урок Щепке. Она научила, как воровать с прилавков, – по мелочи, но всё же им в помощь, так как денег у них было мало, можно сказать, совсем не было. Они подходили к прилавку и Щепка – шустрый и худой, что-то выдергивал; например, коробку конфет или шмат сала или кусок мяса. А уходя, убегая, бросал незаметно Ольге, этой дородной даме вне подозрений, в приоткрытую наготове сумочку. Таким образом, они «затарились» продуктами, а деньги пошли на покупку спиртного.

Они отмечали день освобождения Щепки на съемной квартире, где давненько обитала Ольга. Удачно сложившийся «дуэт» мелких воришек начал работать. На следующий день «улов» был уже крупнее. На том же рынке торговали одеждой. Продавались шапки. Подряд шли несколько торгующих прилавков. Шапки вывешивались на приспособления с крюками. Удалось «добыть» 4 норковых шапки.

А кроме того, постаралась Ольга, которая была, оказывается, искусной карманницей. Увидела она пару – подвыпившего мужчину, который в веселом настроении пытался угодить своей женщине, примеряя шубки на неё. Как все произошло, и Щепка ничего не понял, он только прикрывал. Только когда уходили быстрым шагом с территории рынка, позади, вдалеке, уже слышен был некий шум, – разборки и крики того подвыпившего мужичка.

Денег было «не-ахти», но много, как посчитали они дома, хватило бы на четыре средних месячных зарплаты. И другие дни Ольга со Щепкой на рынке больше не появлялись. Всё делалось по заранее известной для Ольги-воровки технологии, а Щепка многим премудростям учился у нее и преуспевал.

Так и зажили они – «тихо-мирно» в полной гармонии: дуэт – карманница Ольга и Щепка, начинающий ворик. Вот она была бы идиллия. Ездили они по небольшим городам, жили на съемных квартирах. И вот, накопив достаточно средств,

осели в том самом провинциальном городке, куда и ехали мы со Щепкой вместе, познакомившись на вокзале.

Часть 5. Конфликт

Не случайно заметил я его необычно бледное лицо. Он ехал с очередной проверки в туберкулезном диспансере. Два раза в год, весной и осенью, на проверку вызывали стоящих на учете больных туберкулезом в республиканский тубдиспансер.

Мне довелось стать невольным участником судьбы Сергея Щепкина. Расстались мы, по приезду в городок, ненадолго. В тот же вечер он нашел меня и пригласил к себе по важному делу: у них умерла хозяйка квартиры, где они жили.

Они с Ольгой ухаживали за пожилой женщиной. Она их пустила к себе для проживания с условием, что будут ухаживать. У нее был один сын, который служил во флоте в Мурманске, и он согласился, чтобы она не оставалась одна в большой трехкомнатной квартире.

Как и положено было по сану, а я работал в Церкви пономарем, позвал я с собой священника. В доме, отслужив молебен по усопшей, священник оставил остальные хлопоты похорон на меня. Пришли многочисленные соседи и знакомые. Читали «Псалтырь по усопшим». Сначала читал я, а затем меня сменили соседки-старушки, которые хорошо знали усопшую бабушку, «баба-Саша», как все её звали.

Пока всю ночь читали Псалтырь, мы разговаривали с Сергеем Щепкой, уединившись на кухне, он выпивал «с горя». А горе – не смерть старушки, его беспокоила элементарная ревность. Ольга была, по его словам, «бабой веселой и любила шиковать» ... то по ресторанам ходила и выпивала, пока он был в отлучке. У нее много молодых мужиков знакомых появилось в этом городке, за короткое время.

Как мог, я успокаивал Сергея. Заходила к нам на кухню и Ольга, с ней я тоже разговаривал. При мне они помирились: поцеловались и поклялись в любви друг другу. Мне показалось, что всё должно быть у них в порядке.

Только сразу после похорон случился тот конфликт. Драка произошла на почве ревности. Из реанимации, где лежали оба: и Ольга, и Сергей, живой вышел Щепка.

Его перевели в обычную палату, но под надзор милиции. У дверей палаты сидел охранник-милиционер. Я приходил в больницу каждый день. Иногда с утра, а порой и вечером, после окончания службы в Церкви. Там он и рассказал мне много о себе. Вскоре перевели его в тюремную больницу.

Врачи делали всё возможное, чтобы вылечить обоих. Но травма головы у женщины была сильнее. У Щепки тоже была разбита башка в трех местах от сковородки. Но это были травмы, нанесенные женской рукой. Мужской рукой, и кочергой из крепкой стальной полосы, он разбил женщине голову гораздо сильнее.

Через 10 дней женщина умерла.

Еще через 2 месяца Щепку судили по 108 статье УК РСФСР – за нанесение тяжких телесных повреждений. Ему дали 10 лет. А направлен он был в зону Центральной больницы для заключенных, и помещен в туберкулёзный диспансер. Весной случилось обострение заболевания, он стал «харкать кровью». И сырыми апрельскими днями у него случился кризис – «кровь горлом пошла» – так он умер.

Вот одна из необычных судеб человека. И в ней прослеживаются многие проблемы нашего времени, над которыми стоит подумать.

Конец.

Полемика о науке

Часть 1. Юбилей учёного на даче

Собрались друзья и хорошие знакомые, соратники, отметить юбилей. В ответ на множество восторженных приветствий и поздравления, пожилой человек начал с благодарности за все добрые слова, но тут же перешел к своего рода полемике с этими друзьями:

«Быть может, мои слова относительно «дальнейшей работы» прозвучали для собравшихся несколько странно. Ведь мне уже довольно много лет (70), и года пришли с какой-то безоговорочной неотвратимостью... Ещё совсем недавно бытовало у нас твёрдое убеждение, что человек, достигший такого возраста и получающий пенсию, должен уйти от своей профессиональной деятельности навсегда, освободив дорогу молодым. Однако я и мои коллеги считаем такое представление весьма устаревшим. Его создали те, для кого существует страшная пропасть между трудом и радостью, между буднями и праздником, между прозой и поэзией, между практикой и теорией.

Подумать только, старики уже много лет трудились – повседневно и практически! Я имею в виду не только тяжелый труд рабочего или работника искусства даже, тех, кто не рас-

стаётся с нищетой, – прозой можно назвать всякий труд, направленный исключительно на личное обогащение.

Те, кто трудится только для заработка, ждут не дождутся пенсии. Ведь она сулит радости, вечное празднование и поэзию: на работу ходить больше не нужно... и так далее. Но при этом из виду упускается то, что поэтом не становятся в 70 или 80 лет. Стихи нужно начинать писать куда раньше, и я советую всем начинать с самого детства или в крайнем случае с юности. Разумеется, я говорю о стихах в фигуральном смысле этого слова. С самого начала жизни каждый должен избрать себе такое занятие, если это окажется возможным, которое даст ему радость неисчерпаемой поэзии. Вот только выбор такого занятия – самый трудный момент в жизни и для воспитателей, и для воспитуемых, особенно в тех социально-экономических условиях, в которых мы живём».

— — — — —

Речь профессора продолжалась довольно долго и передать её всю в точности уже не представляется возможным, – память не сохранила слова и выражения, но суть её в том, что: и мы попытаемся это передать.

Гости не очень внимательно слушали, переглядывались между собой слыша знакомые ноты и оттенки слов.

Между тем Профессор понимал ещё и то, что лет через тысячу наши потомки, которые научатся и (1) летать также надёжно и далеко, как птицы, и (2) расщеплять атомы так же

гениально просто, как они расщепляются в природе, будут смеяться (3) над нашими ядерными реакторами, – приблизительно так же, как мы, с высоких ажурных небоскрёбов и пятикилометровых арочных мостов, иронизируем над пирамидой Хеопса, этим безмолвным свидетельством слабости древнего человека. Профессор понимал, кроме того, что ни у нас, ни у древних людей в своё время не было и нет иного выхода и что люди будущего поймут это и отдадут дань уважения своим предкам (нам) за великое упорство и трудолюбие, как мы уважаем тех, кто носил камни-блоки многотонные к подножию пирамид.

Сегодня учёным приходится трудно ещё и тем, что приходится отвлекаться на бытовые вопросы: например, переживать за безопасность..., опять же, за бухгалтерию, которая против того, чтобы художник или скульптор работал без плана-нормы, иначе как оценить его труд, а как можно дать план, если человек талант и гений, если художник, скульптор может изготовить такие вещи, которые не снились ни одному промышленному производству?!..

И ещё Профессор думал о том, что, если учёного освободить от его непосредственных обязанностей учёного, он не станет в два раза больше администратором. Но если ему дать в помощь толкового заместителя по хозяйству, мы наверняка получим в два раза больше Учёного.

Спрашивается, где логика?

Однажды к Профессору приехала погостить какая-то

дальняя родственница. Она заглянула в сад-огород за домом, увидела сплошные цветы и всплеснула руками:

— Ой, Николай (Профессор), что-то вы не то делаете! —

— Что же именно? —

— Картошку надо сажать, а не цветочки выращивать, для того огород!.. —

Это к чему сказано. Как ни странно, к вопросу о кадрах.

С профессором работали над открытием в науке, над подтверждением его теории несколько учёных помоложе. Они вместе прошли многие годы работы, и если перейти на военную терминологию: когда более десяти лет назад, «командиру части» Профессору пришлось иметь дело с «новобранцами», когда он подбирал себе научных сотрудников-помощников, большого выбора не было. Но с новыми «воинами» науки ему приходилось «сидеть в окопах», дожидаясь результатов опытов, пришлось «побывать в атаке» и в «окружении», «ходить в разведку», на полях семинаров и конференций.

А как они попали к нему? Изобрёл Профессор метод: он поговорил с каждым из девяти и каждого просил дать характеристику восьми другим. Получилось, как в шахматном соревновании: каждый «сыграл» со всеми по одной партии по круговой системе. Он чувствовал, что все они испытывали при этом какую-то неловкость, но убедился в предельной справедливости и даже беспощадности их оценок. Тем не менее, все относились к друг ко другу с уважением. Если

кто-то и отмечал в ком-то недостаток, то по сумме восьми характеристик этот недостаток либо умягчался, либо даже переходил в достоинство. «Упрям, как осёл», – сказал категорически один. «Упрям и упорен», сказал другой. «Настойчив», – сказал третий. «Напорист», – сказал четвёртый. «Потянет любую работу», – сказал пятый. «Усидчив, с железным характером», – сказали шестой и седьмой. И последний заключил: «Ему можно доверить всё». Гамма красок в характеристиках представилась Профессору, спектр оттенков...

Он убедился, что ни один из них не обладает каким-либо категорическим, раз и навсегда данным, законсервировавшимся качеством. И вовсе не потому, что они были молоды и не достигли зрелости и продолжали расти и совершенствоваться, – хотя все уже были достаточно взрослые люди с вполне сложившимися убеждениями и привычками. Но нельзя всё на свете делить только на белое и чёрное, холодное и горячее, сладкое и горькое, – общеизвестно, что в однобоких оценках слишком много субъективизма. Жизнь знает исключения и нюансы, мотивы и следствия. Это помогает нам прощать хорошим людям мелкие недостатки и замечать у плохих людей ростки исправления. Вот почему сумма мнений, полученных Профессором о каждом из девяти его соратников, была ближе всего к истине, нежели мнение одного, пусть даже умного и наблюдательного, человека.

Вот примерно, как можно представить каждого в отдельности:

Вот один: «Тих, скромн, говорит мало и усыпляюще, думает глубоко, решает неожиданно и оригинально».

Другой: «Энергичен, даже темпераментен, быстр, эрудирован, хватает с полуслова, нередко переоценивает свои возможности, торопится вперёд, забывает о последовательности и ошибается. Блестяще знает технику. Оготело талантлив. Отзывчив и добр».

Ещё один: «Конкретен, сух, замкнут, слабо эрудирован, зато с хозяйской жилкой, упрям и напорист, жаден к работе, ему можно доверить всё».

Ещё: «Фантазёр, хвостун, великолепный организатор, изобретателен, смел».

И ещё один: «Работяга. Руки сделаны из золота, голова напичкана идеями. Исполнителен, трудолюбив».

Ещё один: «Умён. Дипломатичен. Блестяще знает предмет. Всё понимает, всё может, но не всё хочет».

Ещё один автор: «Предельно скромн, почти незаметен, но и незаменим. Нет достаточной широты знаний, но в своём деле глубок. Работоспособен».

Ещё: «Путаник, со странностями, тенденция „уйти не туда“, нуждается в постоянном подправлении. Эрудирован, усидчив, мечтательно грубоват».

И ещё: «Широкая душа, замечательный товарищ. Несколько грубоват. Дотошен. Влюблён бывает в дело, которым занимается, как в женщину».

Наконец, последний: «Терпеть не может горы, потому что

они закрывают горизонт, а он как раз любит горизонт. Требова-
телен. Возвращает на почву фактов, как внутренний ОТК.
Умён, работоспособен».

Кто-то из них стал «мотором» коллектива, если угодно –
сердцем. Кто-то душой. А кто-то – руками. И ещё кто-то –
мозгом. И не нужны тут имена и звания, – желательно чтобы
читатель воспринимал всю группу как единого человека, как
нечто цельное и законченное.

Именно таким бывает человек-гений. Это гениальный
коллектив! Редко встретишь такого человека., который бы
вмещал в себе множество качеств. Так вот, – Профессор
вмещал все характеристики всех своих соратников, он с каж-
дым мог говорить и общаться на его языке, используя все
его знаки и свойства, подстраивался под каждого и разных
объединить мог в одном стремлении и в одном направлении
мысли в теории.

Увы, не только наш институт – научно-исследовательский
можно без сомнения отнести к старшему поколению. Моло-
дых учёных мало. Так мало и с таким упорством продолжает
быть мало, что уже можно говорить об этом, как о проблеме
кадров.

В чём фокус? В той самой «картошке», которую нужно са-
жать вместо цветов. – то есть в том трезвом, реальном взгля-
де на жизнь и карьеру, взгляде, который, конечно, не делает
честь настоящему учёному. Вы не поверите, но из многочис-

ленных студентов-дипломников, проходящих практику в научных исследованиях, почти никто не просится в группу исследователей учёных. А вдруг научные эксперименты окажутся пустыми – понимаете? – и «горит» диплом. Куда спокойнее иметь дело с уже открытыми научными явлениями, которые уже чуть ли не на промышленные методы опираются.

Происходит боязнь риска – уже со студенческой скамьи... Какой неприятный сигнал! Ещё Шиллер говорил (в своё время), что для одних наука – это что-то возвышенное, прекрасная богиня, а для других же – как великолепная дойная корова. Из науки все пытаются извлечь пользу.

Да нет, мы не склонны винить во всём нынешнюю молодёжь. И не будем к ней слишком строги. Лучше спросить сегодняшних деканов и преподавателей институтов: «вы зачали бы за дипломную работу участие студента в неудачном эксперименте?».

Вообще ноль в науке – это тоже результат. Но только не у экспериментаторов, особенно у тех, кто рассматривает природу как кладовую неизвестных явлений. У таких учёных ноль – это действительно ноль, пустота, ничего. Они ищут неизвестные ответы на неизвестные вопросы. Тысяча путей может вести экспериментатора к цели, и из этой тысячи – девятьсот девяносто девять – ошибочных, без которых нельзя найти единственно правильный. Но если на жизнь конкретного учёного выпадают только ошибоч-

ные пути, считайте его судьбу принесённой в жертву большой науке.

— — — — —

Разумеется, наши рассуждения схематичны. Жизнь богата разнообразием, она умеет сглаживать острые углы и заострять тупые, она может компенсировать крупные неудачи мелкими успехами или омрачать крупные успехи мелкими неудачами. Важно решить в принципе: вправе ли мы требовать от учёного жертвенности?

Известно имя одного маститого, увешенного знаниями, утяжелённого степенями учёного. Ещё недавно он имел определённый вкус к экспериментальной работе, занимался острыми и рискованными научными поисками. Но сегодня (в век практичной материально-денежной обстановки) он предпочитает более спокойную жизнь, хотя дело, которым он стал заниматься, уйдя из «чистой» науки, тоже важное, тоже сложное и не менее почётное. Вопрос не в том. Вопрос о мотивах, о нравственной и моральной стороне его «измены», — хотя, казалось бы, и терять-то ему было нечего, так как прошлые заслуги, во имя которых ему бы простили сегодня любую неудачу. Увы, всё та же боязнь риска, боязнь разрушить свой авторитет в прошлом удачливого экспериментатора, боязнь потерять устойчивость благополучного до сих пор имени...

Сегодня (пока) ещё всё хорошо, но что будет завтра?

Схема наша выглядит таким образом, примерно:...

Когда вообще на новом месте создаётся институт, там всегда бывает молодо и, можно сказать, зелено в прямом смысле этого слова: вокруг строительной площадки стоит сплошной зелёный лес. Потом строится первый дом, первый магазин, здание первой лаборатории, и приезжают первые новосёлы. Они называют друг друга Вовками, Нинками и Славиками, им по двадцать с хвостиком лет – прямо со студенческой скамьи, они чувствуют себя первооткрывателями и словно голодные, кидаются на научные проблемы. Первые удачи и неудачи, первые научные статьи, первые кандидаты и доктора наук. Время идет. Они заводят себе толстые портфели, у них изменяется походка, в глазах появляется усталость, надо следить за тем, чтобы не полнеть чрезмерно, – им уже по тридцать с хвостиком, хотя они продолжают называть друг друга Вовками и Славиками. Ах, как хорош был бы приток свежих сил, способный дать дополнительный заряд энергии и рвения! Увы его нет. «Старые» сотрудники института ещё достаточно молоды, чтобы не думать об уходе на пенсию, а штатное расписание вопросом омоложения института не занимается и не интересуется. Во всяком случае, мы не встречаем в подобных институтах – через десять или пятнадцать лет после их организации, восторженную физиономию новичка, только-только пришедшего со студенческой скамьи «учёного», чтобы кто-нибудь назвал Вовку «Владимиром Васильевичем». Разумеется, мы вовсе не хотим сказать, что первопришельцы начисто утрачивают вкус к науч-

ной проблеме, и успевают за десять лет «забуреть» или, ваясь в собственном соку, потерять рвение и мужество. Нет, ничего они не утрачивают, – они всего лишь ничего не приобретают. Сегодня всё ещё хорошо, но что будет завтра?

И вот что удивительно! – молодёжь сама не очень-то рвется в подобные институты «чистой» теоретической науки. Не прельщает её ни сервис, который она получит не всюду, ни обеспеченность аппаратурой, ни острота научных проблем, ни – самое главное и самое печальное – работа в институте. И вот получается, что с одной стороны, – штаты «не позволяют», с другой – нет напора молодёжи. В итоге «взрослеет» институт науки не по дням, а по часам, вместе со временем, которое идёт и идёт. А потом – старость, следом за взрослостью, – её не остановишь, не умолишь её подождать. И мы все будем с горечью говорить и писать, что нет смены заслуженным и старым учёным, что старикам давно пора уйти на покой, а они всё сидят и сидят, что молодые таланты гибнут в неизвестности...

Может, потом, с годами, вновь произойдёт обновление штатов. Но тогда вновь придут Вовки и Нинки, чтобы начать с азов, на пустом месте, и чтобы сесть в свои кресла по меньшей мере на те же двадцать или тридцать лет... Заколдованный круг?

Часть вторая. Дача

На даче Профессора была красивая обстановка – хороший ландшафтный дизайн.

Как заходишь в калитку, под окном, бросается в глаза гор-тензия с розовыми бутонами, а вокруг, по углам газончика растут хосты.

С правой стороны у забора узкий газон с тюльпанами и цветами.

За ними, вдоль дорожки кусты сирени: первая белая и далее ещё две сирени сиреневого цвета.

Это всё перед высокой большой (широкой) ёлкой на повороте дорожки, которая ведёт вдоль боковой стены дома в сад. И тут встречаются пионы справа перед барбекю.

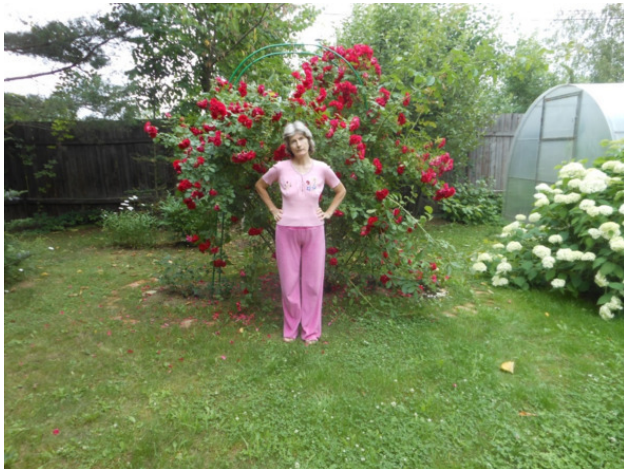

А в саду прямо под окнами кухни площадка летней веранды, огороженная заборчиками. Заборчики с ящиками под цветы внизу. Тут на веранде стол со столешницей из искусственного мрамора и стулья. И эта веранда закрывается выдвижным тентом.

Напротив веранды, через зелёный газон. Цветёт плетистая роза, которая требует большого ухода. Розу надо на зиму убирать с железой арки, затем укрывать, заворачивать в материал, прижимать досками к земле, а она очень колючая.

Кроме того, был устроен пруд, а в нём лилии.

Перед прудом росли две яблони, а между ними круглый куст, весной покрывающийся белыми цветочками.

Была ещё песочница, ожидающая внуков и рядом с ней клён с круглой кроной, требующей ежегодной дизайнерской обрезки-подстрижки.

Работы в саду для Профессора хватало, постоянно атаковали муравьи, устраивая свои муравейники в самых разных местах: вдоль дорожек, около песочницы и в ней самой и так далее.

Конец.

Эхо – абсолютного времени

Справка:

Звуковое **эхо** – отражённый звук.

Эхо замечают, если слышат также прямой звук от источника, когда в одной точке пространства можно несколько раз услышать звук из одного источника, пришедший по прямому пути и отражённый (возможно несколько раз) от окружающих предметов. Так как при отражении звуковая волна теряет энергию, то звуковая волна от более сильного источника звука сможет отразиться от поверхностей (например, стоящих друг напротив друга домов или стен) много раз, проходя через одну точку, что вызовет многократное эхо (такое эхо можно наблюдать от грома).

Эхо обусловлено тем, что волны могут отражаться твердыми поверхностями, это связано с динамической картиной разрежений и уплотнений воздуха вблизи отражающей поверхности. В случае, если источник звука расположен неподалеку от такой поверхности, повернутой к нему под прямым углом или под углом, близким к прямому, звуки, отразившись от такой поверхности, как волны отражаются от берега и возвращаются к источнику.

Благодаря эху, говорящий может вместе с другими звука-

ми слышать свою собственную речь, как бы задержавшуюся на некоторое время. Если источник звука находится на достаточном расстоянии от отражающей поверхности, а кроме источника звука поблизости нет никаких дополнительных звуковых источников, то эхо становится наиболее отчетливым.

Эхо становится различимым на слух, если интервал между прямой и отражённой звуковой волной составляет 50—60 м/с, что соответствует 15—20 м, которые звуковая волна проходит от источника и обратно, при нормальных условиях.

Экспозиция:

Возможен ли портрет теории?

Портрет мировоззрения? А вместе с ним, портрет культуры, портрет эпохи?

Не изложение, не конспект, не простая история, не научно-популярный очерк, — а именно портрет?

Такой, чтобы в каком-то очень ёмком и впечатляющем образе были выражены существенные, характерные черты предмета изображения.

Писатель имеет ли право, не опасаясь придилок со стороны специалистов, руководствоваться, как любой человек искусства, прежде всего своим собственным субъективным ощущением, субъективным пониманием предмета и таким образом идти к объективности?

— — — — —

Запах, может отозваться эхом, возвращая нам память

о событиях, связанных этим запахом. Вид природы или предмета – тоже самое, может напомнить нам время, когда мы эти предметы видели в прошлом. Событие, часто нам приводят воспоминания, что такие же, ну, почти такие же, были в прошлом. А также – звуки, так уж наш слух устроен и отдельные слова, и речи могут нам напомнить о прошедшем времени.

Однажды я увидел памятник. Я уже забыл кому он принадлежал, но вдруг вспомнил о своей юности о своём обучении-учебе...

Если воздвигнуть памятник Ньютону, его теории, его мировоззрению, которое подвело некоторые итоги. Будет отмечен трудный и величественный участок пути, пройденный человеческой мыслью к концу семнадцатого века: когда было создано первое математическое изображение нашего мира, модель, ещё очень примитивная, очень неполная, однако – в грубом приближении – верная.

Этот памятник, не будучи изображением чего-либо видимого, был бы красив в своём единстве, в своей органической целостности, как некое явление природы, созданное природой самой, например, как океан или как Эверест... Или как звёздное небо!

Но ведь памятник и будет создан природой. Ибо человек (художник, скульптор) – та же природа. При посредстве человека возникло сооружение, которое неминуемо отразило

в себе черты сознания создавшего. Эти черты были вместе с тем результатом истории человеческой мысли.

Если бы кенотаф Ньютона был осуществлён в камне, величественный и мрачный, то он возвышался бы как напоминание о равнодушных и незыблемых законах, управляющих вселенной.

Примерно: Где-то в бездонной, черной далёкости сверкает бриллиант Полярной звезды, и к нему на невидимой нити подвешен невидимый маятник, который отщёлкивает секунды, минуты и миллионолетия единого абсолютного времени... Из какого-то пункта полной неподвижности проведены невидимые координаты абсолютного же пространства...

Шары миров и шарищи галактик вращаются бесшумно и вечно по велению божественного часовщика. Никаких событий и никаких изменений: скорость света и само пространство не изменяется). Всё сделано от века (в вечную вечность назад) и на века (в вечную вечность вперёд).

И люди предстали бы пред этим зрелищем – потрясённые, благоговеющие, познавшие одновременно и силу разума, и собственную свою ничтожность в неизмеримо огромной и безжалостной вселенной.

— — — — —

Законы механики, написанные по-латыни сэром Исааком Ньютоном: «Аксиомы или законы движения», были вывешены над кафедрами аудиторий университетов всего мира и составляли фундамент точных наук двух минувших столетий.

Конечно, если бы решиться украсить такой кенотаф, не следует оставлять статую Ньютона в одиночестве. Нет, во имя справедливости нужно было рядом поставить изображения ещё трёх людей.

Коперника, Галилея и Кеплера.

Коперника первого, кто решился освободить науку от главного предрассудка, мешавшего её развитию, — от мысли, что Земля есть подножие господа и человечество сотворено и предназначено Богом для осуществления божественных планов-начертаний...

Что ж! Да здравствует научная смелость, но и жизненная уместность дипломатического канонника, который работал на государственной духовной должности ровно столько, чтобы сохранить себе возможность и даже удобность для научных занятий! А разум, с его помощью, взобрался ещё на несколько ступеней выше.

Галилея, которого надо назвать подлинным и первым учёным, в современном смысле слова. Да здравствует его подхалимство по отношению к властителям. Когда он, например, назвал открытие первых планетных спутников именем своего начальства! Да здравствует его «предательство», его отречение, произнесённое им перед бандой хозяев, грозивших ему пытками и костром. Он был поставлен на колени, так что голова его была на уровне их ног, внизу. Дурачье не видело, что она (голова учёного) возвышается над ними,

как Солнце над тлями! Он произнес набор идиотских словес (детских заклятий) и этим «купил» себе возможность работать дальше. Ведь ему предстояло ещё написать свою механику, что имело значение для Науки не меньше, чем уже написанный «Звездный вестник». Разум должен был подняться ещё на несколько ступенек...

И, наконец, Кеплелера, который почему-то, даже спустя двести лет ещё не вознесён на достойную его высоту. Да здравствуют гороскопы Иоганна Кеплера, который составлял их для властей и богачей и тем питался. А ведь именно он разыскал, нашарил те законы, по которым вращаются все планеты вокруг Солнца!

Многое из того, чем славен Ньютон, почти совпадает с открытиями Галилея и Кеплера. Надо было сделать только один шаг, чтобы «Ньютоново здание» науки было завершено. Но этот шаг был последний, и его совершил – Ньютон!

«Фабрика человеческого познания» – философия.

В изучении философии есть тройная выгода, как говорил один профессор.

Во-первых, – люди учатся «философствовать» – то есть мыслить. Это дается отнюдь не многим.

Во-вторых, – перед взором изучающего проходят картины мира, как понимало мир человечество на протяжении всей своей истории. А это доступно многим и не только из школь-

ной программы.

В-третьих, – люди могут получить университетский диплом, учась на факультете философии. Это могут все.

Так профессор начинал свои лекции, он преподавал философию.

Профессор № «читал» курс лекций введения в философию и вёл семинар по Канту. Сам семинар был очень строгий и многих, наверное, отпугивал. Он был построен на разъяснениях понятий – это, как понимал тот или иной термин Эпикур и как тот же термин понимал Платон, и как Аристотель, и как термин этот предстаёт у Канта в его «Прологеменах», в первом издании «Критики чистого разума», и во втором издании и так далее.

Мы изучали Канта, его «Прологемены», но научались мы другому... учиться! Мы начинали понимать, что такое источник, что такое текст, что такое термин, что такое библиография, что такое формулировка (где была школа (?): почему в школе всему этому нас не научили?)...

В первые же недели выяснялось, насколько это плохо, если ты не знаешь ни слова греческого языка, и насколько ужасно, если ты полез в философию, не зная немецкого языка... Да, это было введение в высшее образование.

Помнятся мне эти кристаллы счастья – дважды по два часа в неделю обучения в ВУЗе, что выпадали мне в юности. Это были уроки чистого мышления. Без зубрёжки, без гнусного трепета и боязни, что тебя вдруг вызовут отвечать к дос-

ке, а ты ничего не знаешь... Только что оконченная средняя школа виделась отсюда, с высоты семинара и лекций, как давно прошедший детский садик... Там, в школе, мы были просто обезьяны, подражающие и повторяющие за учителем, а теперь мы «пыжились», чтобы из обезьяны превратиться в Человека.

Да, нам было трудно. Казалось, наши мозги трещали от развития мыслей, мыслям не хватало места под черепной крышкой, и я по вечерам поглядывал в зеркальце на свой лоб, как спортсмен поглядывает на свои бицепсы: выпучился ли, не сияет ли?

После всех других лекций в ВУЗе мы собирались на семинар в небольшой малой аудитории. И ведение-чтение профессора № повергало нас в смущение, настолько оно лишено было какой бы то ни было академичности. Наш профессор явно резвился. Он вёл себя с нами, как малыми ребятами, – забавлял нас, интриговал нас, говорил языком никак уже не научным. Он даже представлял что-то в лицах! И лишь иногда, как бы вторым планом, перед нами открывались такие глубины, в которые нам ещё предстояло погрузиться...

Сейчас, спустя десятки лет, нет возможности воспроизвести хоть одну странную лекцию, тем более что в ней никакой вульгарности не было. А так пересказать трудно – надо иметь слишком хорошие знания предмета и обладать тренированным научным мышлением. Я могу дать представление толь-

ко о духе, о характере выступлений профессора №, рискуя навлечь на себя недовольство большинства преподавателей.

— — — — —

Второй день по брезенту палатки шелестел дождь. Он то переставал на час-полтора, то вновь начинал моросить, и эта морось перерастала в полноценный дождь также на час-полтора. По небу всё ползли и ползли серые дождевые тучи.

Вторые сутки я проклинал себя за то, что уговорил Завадского – соседа по квартире, профессора – поехать на рыбалку. Вслух этой темы я старался не касаться. Но убирая после обеда нехитрую газетную скатерть. Я вновь увидел прогноз погоды, обещавший затяжные дожди и терпение моё лопнуло.

– Вот, старый склеротик, – обругал я себя, показывая Завадскому газету. – Я же читал этот прогноз, в этой самой газете за день до выезда. Полное расстройство памяти... —

Завадский улыбнулся:

– Зачем же сразу страсти-мордасти? Ну, забыли и забыли, бывает. —

– Нет Петр Алексеевич, – упорствовал я, – это уже настоящее старческое – забываю текущие события, а прошлое помню.

– Причиной забывчивости может быть и не склероз, – задумчиво сказал Завадский. – Человеческая память – это тонкий инструмент. Вот я помню довольно отчётливо одни события своей молодости, а другие напрочь забыл. —

– И у меня, вот, так. – начал я свой рассказ с этого. – Видел я памятник и вспомнились дни моего студенчества... —

Шелестел дождь. Пахло мокрой травой и прелью. Напротив входа в палатку чернели угли потухшего костра. Чуть дальше тихая речка бесшумно несла свои воды среди низких берегов. Над водой сиротливо торчали тонкие удилища на рогульках. Кончался второй день вынужденного безделья, вместо рыбалки. Самое время беседовать-рассказывать...

— — — — —

Я помню то время, когда на очевидных, почти детских понятиях нас учил профессор № законам мироздания, законам «Фабрики человеческого познания». – Живописное и даже театрализованное вступление в свой семинар по книге Иммануила Канта «Пролегомены» наш добрый профессор завершал примерно так:

– Гиды туристических компаний приведут посетителей на самый верх «Фабрики человеческого познания», не потерявшей своей стройности, – к вершине пирамиды. А там в небольшой комнате расположатся три достопримечательности.

Первая – это написанные рукою Канта слова:

«Мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место Вере».

Вторая – круглое отверстие в потолке в неизвестность.

И третья – помело, на котором летают ведьмы человеческой фантазии – мечты. Это помело используется для полё-

тов к богам, когда разуму приходится особенно трудно при разгадывании тайн природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.